

Русские художники в Париже

В АТЕЛЬЕ
МАНЭ-КАЦА

МАЛЕНЬКИЙ переулочек в квартале Монпарнассу, у выскокого деревянного забора. На звонок открывается калитка. На пороге — маленький господин с гладко-выбритым, почти юношеским, лицом и белыми, как снег, волосами. С ласковой улыбкой он протягивает руку:

— Очень рад. Мне так приятно говорить по-русски. Пожалуйста, войдите!

Через маленький садик мы попадаем в переднюю, оттуда — в огромный светлый зал — студию. Десятиметровый потолок; стеклянная крыша, над которой слегка покачиваются ветки старых деревьев. Мягкие ковры, много стильной мебели, шкафы, статуи, гобелен и картины на подрамниках. В зале тихо и тепло. Охватывает чувство, похожее на то, которое испытываешь при посещении музея или часовни.

Мы — в студии художника и скульптора Манэ-Каца.

Месяц тому назад декретом президента Республики он награжден орденом Почетного Легиона за 35-летнюю художественную деятельность и пребывание в рядах французской армии во время последней войны. Как он прожил эти долгие годы? Усевшись в кресло и поджав под себя одну ногу, художник неторопливо начинает свой рассказ.

Манэ-Кац родился в Кременчуге в 1894 году. 13-летним мальчиком поступил в художественно-промышленную школу имени Гоголя в Миргороде. Там начал учиться рисованию, живописи и лепке: ученики делали и разрисовывали глиняные горшки и тарелки. Затем три года (1910-13) учился в художественной школе в Киеве. Осенью 1913 года впервые приехал в Париж, где поступил в Эколь-дэ-Боз-Ар по классу живописи. Его учителем был знаменитый в то время художник Кормон. Через год разразилась первая мировая война. На пароходе юноша добрался до Пирея, затем, через Грецию, Румынию и Бессарабию, вернулся в родной Кременчуг. Оттуда уехал в Петербург и поступил в «Новую художественную мастерскую» княгини Гагариной на 11-ой линии Васильевского Острова. Был учеником Добужинского и Яковлева. В 1916 г. на выставке «Мира Искусства» поместил свою первую пастель. Александр Бенуа обратил внимание на молодого художника и посвятил его картине первые одобрительные строки.

В 1917-18 г.г. Манэ-Кац руководил в Харькове «Новым Художественным Цехом» и вступил в члены общества «Семь плюс три», объединявшем молодых художников — новаторов. Первая выставка его собственных работ открылась в Харькове в 1919 г. Затем покинул Россию. С 1920 г. — в Париже. Как огромное большинство русских беженцев, брался за любую работу: был рассыльным, носил ящики и тюки на вокзале, исполнял разные поручения. Перевидал много людей. В свободное время бродил по музеям, по старому Парижу, по монпарнасским кафе. Много читал. Рисовал урывками, иной раз ночью, в маленьком номере дешевого отеля. В 1928 г. принял французское подданство. Постепенно пришла слава и общее признание. Был избран членом «Осеннего Салона» и прочно вошел в первые ряды французских художников.

В 1939 г. без колебаний, добровольцем, пошел на войну.

— Представьте себе меня, при моем росте, облаченным в военную форму: шинель чуть-ли не до пят, рукава военной куртки до ногтей. Попал в плен, но сравнительно скоро был освобожден, как принадлежавший к старшим возрастам: мне было тогда 46 лет. В Руане встретил Пикассо.

— Что мы будем делать теперь, старина?

— Давай устроим выставку. — невозмутимо ответил старый друг.

— Вы понимаете, что тогда было не до выставок. Еле удалось обратиться в южную зону, оттуда через Португалию уехал в Америку, где оставался до конца войны. Работал много и усердно. Устраивал выставки в Нью-Йорке, в Канаде, в Палестине, в Южной Африке (в Трансваале), позже — в Бельгии, в Оране и, разумеется, в Париже.

— В Палестине шла кровопролитная война. По возрасту и состоянию здоровья я не мог принять в ней активного участия. Устроил выставку в Тель-Авиве. Над городом реяли вражеские самолеты, бросали бомбы. Звенели выбитые стекла, грохотали зенитные орудия, и, несмотря ни на что, сотни людей с раннего утра приходили смотреть картины.

Весной этого года Манэ-Кац выставил свои полотна — виды Парижа и цветы — в галереях Шар-

пантье. Сейчас большинство его картин выставлено в Лондоне.

Проездом через Польшу в 1920 г. художник видел остатки гетто: узкие и полутемные улочки, играющих на мостовой полуголых детей; еврейскую бедноту, чуть-ли не в средневековых одеяниях. Наблюдал морщинистые лица стариков; посещал еврейские свадьбы и праздники, харчевни и убогие лавчонки. Все это оставило неизгладимый след в его душе. Значительная часть его работ написана на еврейские сюжеты. Он пишет исключительно по памяти, без модели. Формальная, чисто-изобразительная живопись его не удовлетворяет.

— Я пишу не только то, что я вижу, но и то, что знаю и чувствую. Как сказал кто-то из наших русских писателей, я беру кусок жизни, иногда грязной и неприветливой, и делаю из нее легенду. Рисую маслом, пастелью, гуашью, леплю из глины.

Мы подходим к большому панно из восьми отдельных картин, изображающих еврейскую свадьбу: фигуры жениха и невесты, родителей и музыкантов остро врезаются в память. На одних лицах — радость, на других — печаль, на третьих — равнодушие и скука. Позади панно картина, побывавшая в «Осеннем Салоне» — «Соломон с одной из невест». Скульптура из гипса — голова молящегося еврея: глаза, большой нос, обильная растительность на лице, — все это сделано с необыкновенной правильностью и отчетливостью. Навсегда застыл бронзовый еврейский скрипач. Девушка мечтательно подняла вверх свое прекрасное лицо с нежной улыбкой. Около маленькой комнаты, в которой художник лепит — его собственный портрет работы Пикассо, написанный в 1931 году. Почти то же лицо, что и сейчас, только без седин.

— Здесь я леплю. Часто настраиваюсь на высокий лад, и начинаю петь по-русски: «Выхожу один я на дорогу» Лермонтова или «Рече та стогне Днiпро широкий».

— Часто встречаетесь со старыми земляками?

— Да. Пуни, Терешкович, Лев Зак — мои друзья. Ларионов прозвал меня «Манечкой». Всю жизнь храню самые теплые воспоминания о М. В. Добужинском, моем добром учителе.

В одном из облюбованных художником уголков соседнего литературно-художественного кафе мы садимся за столик.

— Вы знаете, — со смехом наклоняется ко мне Манэ-Кац, — я до сих пор не забыл русских привычек: пью вприкуску. Так повелось еще с детства. Привычка — великая вещь. В Иоганнесбурге и Претории я встречал десятки евреев, выходцев из России. Живут они в полном достатке, пьют коктейли, апельсиновый сок. Но, желая оказать мне особый почет, они угощали меня «бывшим русским чаем» с лимоном. Уверю вас, что это было трогательно!

Мы еще долго вспоминали родные места, украинские песни, хаты, хустки, мониста, паневы и свитки.

— Я объездил почти весь мир, — говорит художник: видел много богатых и красивых стран, но ни в одной из них не чувствовал себя таким счастливым, как в России. Великая страна, и навеки останется такой!

В. Антонов.

РН-26.10.1957